

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Швецова Т. В. Динамика русского литературного процесса XIX века в аспекте категории поступка литературного героя / Т. В. Швецова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 332—351. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-332-351.

Shvetsova, T. V. (2026). Dynamics of 19th-Century Russian Literary Process in Context of Literary Hero's Act. *Nauchnyi dialog*, 15 (3): 332-351. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-332-351. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Динамика русского
литературного процесса
XIX века в аспекте
категории поступка
литературного героя**

Швецова Татьяна Васильевна
orcid.org/0000-0001-9637-6958
кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы
и русского языка
t.shvetsova@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

**Dynamics of 19th-Century
Russian Literary
Process in Context
of Literary Hero's Act**

Tatyana V. Shvetsova
orcid.org/0000-0001-9637-6958
PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Literature
and the Russian Language
t.shvetsova@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На фоне необходимости углубления исторического понимания литературного процесса цель исследования заключается в разработке категории поступка литературного героя как критерия переходного периода в русском литературном процессе XIX века на материале художественной прозы. Выбор метода моделирования как основного метода исследования обусловлен способностью модели представить существенные черты изучаемого явления и его функции в совершенствовании литературного процесса, способствовать обогащению читательской культуры и опыта, «раздвигая» границы впечатлений, художественного восприятия и смыслов. Моделирование понимается как основа аналитической, интерпретационной и оценочной форм дискурсивной деятельности, способствующая решению задач структурирования художественного пространства и концептуального осмысления литературы. В продолжение наблюдений М. М. Бахтина, Н. И. Николаева и других исследователей категория поступка литературного героя рассматривается как моделирующий критерий в рамках предложенной авторской модели литературного процесса XIX века. Отмечается, что модель характеризуется цикличностью, эволюционной динамикой, включает четыре траектории (модели героя) и семь хронологических (последовательных) этапов. Автор приходит к выводу, что динамика русского историко-литературного процесса XIX века коррелирует с вариациями взаимодействия картины мира и поступка литературного героя.

Ключевые слова:

литературный герой; история русской литературы; поступок литературного персонажа; динамика литературного процесса; история поэтических форм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Against the backdrop of a growing need for a deeper historical understanding of literary evolution, this study aims to develop the category of the literary hero's act as a criterion for identifying transitional periods within the 19th-century Russian literary process, with a focus on works of artistic prose. The selection of modeling as the primary research method is justified by the model's capacity to reveal the essential features of the phenomenon under investigation and its function in advancing the literary process, as well as in enriching reader culture and experience by expanding the boundaries of aesthetic perception and interpretive meaning. Modeling is understood as the foundation for analytical, interpretative, and evaluative forms of discursive activity, facilitating the structuring of literary space and the conceptual comprehension of literature. Building upon the observations of M. M. Bakhtin, N. I. Nikolaev, and other scholars, the category of the literary hero's act is examined as a modeling criterion within the proposed authorial framework for the 19th-century literary process. It is noted that this model is characterized by cyclical patterns and evolutionary dynamics, comprising four trajectories (heroic archetypes) and seven chronologically successive stages. The author concludes that the dynamics of the 19th-century Russian literary-historical process correlate with variations in the interaction between the worldview and the act of the literary hero.

Key words:

literary hero; history of Russian literature; literary character's act; dynamics of literary process; history of poetic forms.

УДК 821.161.1(091)“18”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-332-351

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации
5.9.3. Теория литературы

Динамика русского литературного процесса XIX века в аспекте категории поступка литературного героя

© Швецова Т. В., 2026

1. Введение = Introduction

Традиционно история литературы рассматривалась как линейный процесс, хронологическая последовательность литературных явлений, основанная на литературных направлениях. Линейные модели не всегда отражают сложность и многогранность литературного процесса. В том числе поэтому в последние десятилетия наблюдается тенденция к пересмотру традиционных подходов к изучению литературного процесса, его типологии и периодизации. Предпринимаются попытки создания новых концепций и моделей истории русской литературы с учетом различных факторов, социокультурных и эстетических критериев, с учетом ментальных парадигм художественности.

В статье «Динамика поэтических форм» Ю. В. Манн отмечает отсутствие исследований, которые бы освещали историю поэтических форм на протяжении длительного времени, хотя именно благодаря их изучению можно построить картину динамики литературного процесса, скажем, XIX века. Ю. В. Манн подчеркивает исследовательскую «уязвимость» таких универсалий научного описания, как «романтизм» или «реализм» [Манн, 1996, с. 21—25].

Тема исследовательской «уязвимости» поднималась им и ранее — в работе «Динамика русского романтизма» [Манн, 1995], где констатируются трудности исторического отграничения русского романтизма от предшествующих направлений. Ю. В. Манн наблюдает смещение романтической поэтики в сторону философского универсализма, исторически и национально-характерного, наблюдает «размывание» романтического конфликта, выдвижение «среднего» героя, смещение в сторону иронического остранения романтического конфликта. Ю. В. Манн дополняет эти рассуждения мыслями об интенсивном проникновении неромантических моментов в романтическую основу и смещении перспективы, то есть он

наблюдает такое стремительное развитие в русской литературе, при котором предшествующие фазы опережают последующие [Там же].

Распространение эстетики реализма в России, хотя оно и происходило постепенно, можно назвать центральным по значимости событием литературного процесса XIX века с учетом того вклада, который внесли в историю литературы и критики русские писатели-реалисты. В 1840-х — начале 1850-х годов дебютировали Ф. М. Достоевский, И. А. Гончаров, Д. В. Григорович, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Н. Островский, Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой.

В то же время, несмотря на свою событийную значимость, реализм отнюдь не представлял собой явление, изолированное от историко-культурного контекста и предшествующей литературной традиции. Напротив, он оказался тесно переплетен с социокультурными феноменами эпохи, что часто затрудняет разграничение реалистической эстетики и эстетики другого типа при непосредственном изучении художественных текстов.

Более того, осмысление реализма в рамках литературоведения обнаруживает сложности не только ввиду комплексного характера реализма и его многогранных связей с другими течениями, но и ввиду методологических искажений, совершенных в прошлом. В частности, А. Д. Степанов утверждает, что трудности концептуализации реализма как литературного направления во многом обусловлены «...влиянием советского литературоведения, стремившегося распространить неисторически понимаемый “реализм” на всю историю литературы и превратить его в конечную цель литературного развития» [Степанов, 2022, с. 497]. Е. К. Созина [Созина, 2002] указывает на необходимость методологического обновления подходов к изучению реализма, подчеркивая негативное воздействие на этот процесс устоявшихся методологических стереотипов, к которым относит, например, стремление мыслить произведение исключительно «в составе метода и направления». По мнению исследовательницы, действительная эволюция реализма не поддается схематическому описанию, поэтому ее осмысление требует построения нового категориального аппарата, достаточно чувствительного к семиотическим аспектам реалистического письма, которые должны быть рассмотрены в общем контексте развития литературного языка и художественных форм.

Тесная и многовекторная связь реализма с литературными феноменами эпохи детально продемонстрирована в диссертационном исследовании Г. А. Шпилевой [Шпилева, 2007]. На примере творчества Н. А. Некрасова исследовательница показывает эклектичность его текстов, активное использование элементов беллетристики и классической литературы, прозы и поэзии, а также разных жанров. Соединение разнородных элементов, как

утверждает автор, во многом способствовало формированию динамичной целостности произведений, отражающей сложные взаимоотношения героя и мира — это, в частности, справедливо для незавершенного романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», где сопряжены черты физиологического очерка и авантюрного романа. Именно результатом синтеза до того малосвязанных литературных элементов Г. А. Шпилева объясняет и возникновение социально-идеологического романа, который инкорпорирует — в случае некрасовского «Тонкого человека, его приключений и наблюдений» — элементы жанровых модусов: идиллии, утопии и драмы, что едва ли строго вписывается в логику линейных моделей литературного процесса.

Опытом осмысления реализма, выходящим за пределы линейных моделей развития литературного процесса, также является монография Г. Ю. Филипповского [Филипповский, 2008; Лебедев, 2009, с. 46—47]. Теоретико-методологическая основа этого исследования требует рассмотрения эволюции русской литературы не как смены формальных художественных парадигм, а как подвижного единого пространства: новые литературные феномены в такой концепции не отменяют предыдущие, а, скорее, по-новому раскрывают интегральные темы и ценности русского самосознания. Такое понимание литературного процесса позволяет Г. Ю. Филипповскому при изучении реализма не ограничиваться его полемическим отношением к романтизму, а сфокусироваться на общих принципах построения художественного текста, которые роднят русский реализм даже с хронологически далекими литературными явлениями. В частности, внимания заслуживают прослеживаемые автором тесные связи между русским реализмом и древнерусской литературой. Так, по мнению Г. Ю. Филипповского, их объединяет тема истоков русского национального поэтического самосознания, особое внимание к христианским мотивам, которые тесно переплетаются с народной культурой, а также специфическая значимость женских образов. Таким образом, концепция Г. Ю. Филипповского привносит новое измерение в понимание эволюции русской литературы и реализма как этапа ее развития.

Примером интегрального подхода к изучению литературного процесса может быть и концепция К. А. Баршта [Баршт, 2020а, с. 18—35], который, опираясь на теоретико-методологическое наследие В. Н. Топорова, А. Н. Веселовского, Д. С. Лихачева, Ю. Н. Лотмана и др., предлагает рассматривать историю литературы как метасюжет, которому присуща внутренняя дихотомия: периоды стагнации чередуются с семантико-стилевыми катастрофами. Развивая свою концепцию, К. А. Баршт приходит к мысли, что литературу можно описывать как непротиворечивую цельную структуру, историческую устойчивость которой придает сакральный

ценностный центр [Баршт, 2020б, с. 32—49]. Более того, исследователю удается выявить устойчивые связи между системой ценностей литературного персонажа, окружающим его пространством и характером сюжетной событийности. Утверждая, что фабульные факты и явления имеют ценностную окраску, поскольку, например, поступок актуализируется в условиях противопоставленности ценностных систем героя и окружения, К. А. Баршт указывает на возможность построения литературно-эстетической типологии на основе ценностных универсалий, что также позволяет продуктивно переосмыслить условия становления реализма на русской почве, выходя за ограничения линейных моделей литературного процесса.

Таким образом, исследования последних десятилетий открывают новые, ранее не попадавшие в фокус изучения измерения в литературном процессе вообще и в реализме в частности, что потенциально позволяет существенно обогатить современные представления об эволюции литературных форм.

В продолжение указанных выше подходов к пониманию историко-литературного процесса, как более общих, так и тех, где роль моделирующего фактора принадлежит конкретным мотивам (мотив света [Харлушина, 2016], мотив безумия [Зими́на, 2007] и т. п.), и на фоне необходимости углубления исторического понимания литературного процесса XIX века и распространения доминирующей впоследствии эстетики реализма рассмотрим категорию поступка литературного героя.

Цель предпринятого исследования заключается в разработке категории поступка литературного героя как моделирующего критерия в динамике русского литературного процесса XIX века на материале художественной прозы тех лет.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В гуманитарной сфере изучением поступка стали заниматься относительно недавно. Первые попытки исследования поступка (не применительно к категории «литературный герой») предпринимались лингвистами [Ускова, 2012, с. 75—78; Бушуева, 2018, с. 155—159; Бушуева, 2021а, с. 15—21; Бушуева, 2021б, с. 45—49; Курцева, 2017; Панченко, 2009, с. 240—247 и др.], философами [Бахтин, 1986; Кривошеев, 2007; Гусейнов, 2001, с. 3—26], психологами [Пчелина, 2020, с. 115—119] и т. д.

С недавних пор поступок из абстрактной категории перешел в разряд таких понятий, которые можно описать при помощи моделей, «взвесить», измерить.

Л. А. Бушуева [Бушуева, 2018, с. 155—159; Бушуева, 2021а, с. 15—21; Бушуева, 2021б, с. 45—49] проводит пропозиционально-фреймовый анализ ситуаций поступков различных групп в русском языке («выходка», «номер», «фортель», «шалость» и др.), доказывая принадлежность соответствующих слов к одной категории. Новизна ее подхода заключается в том, что она выстраивает фреймовые модели поступков, в структуре которых выделяются слоты «Агент поступка и его свойства», «Контрагент поступка», «Пациент поступка», «Действие как проявление поступка», «Оценка поступка, агента поступка», «Место совершения поступка», актуализирующие различные аспекты рассматриваемых ситуаций.

А. П. Романенко и З. С. Санджи-Горяева [Романенко и др., 2018, с. 279—283] анализируют восприятие и оценку речевого поступка «покаяния» русскими писателями XX века, рассматривая его как важный советский культурный акт, дают их культурно-историческую интерпретацию.

О. В. Пчелина [Пчелина, 2020, с. 115—119] раскрывает теоретическое представление о совершении поступка посредством внутреннего диалога, протекающего на осознаваемом и неосознаваемом уровне. Ее эмпирическое исследование показало, что при решении сложной жизненной задачи повышению уровня зрелости поступка способствуют два вида внутреннего диалога: эксплицитный (осознаваемый) и имплицитный (неосознаваемый).

Описание поступков конкретной исторической личности представлено в исследовании И. А. Лобаковой [Лобакова, 2021, с. 41—49].

В наши годы изучением поступка стали заниматься представители точной науки. Так, Ю. Т. Глазунов [Глазунов, 2016] рассматривает поступок с позиций математической психологии, вводит понятие весомости поступка, устанавливает, что весомость поступка определяется характером его мотивации. Автор уверен, что поступок может находиться в области точных исследований, в возможности числовой оценки поступка. В качестве основания для измерения весомости поступка исследователь принимает энергию мотивации. Он устанавливает связь энергии мотивации и эмоционального переживания. Ученый ставит перед собой задачу отыскать инвариант поступка, лежащий в основе всех поступков, и на его основе построить метрическую теорию поступка.

Специалисты в области теории и истории литературы рассматривают поступок как одну из характеристик поведения литературного героя. В частности, Р. М. Ханинова [Ханинова, 2006] считает поступок отражением одной из новых форм психологизма. Автор монографии анализирует проблему поступка героя в свете исторической ситуации «кризиса поступка», отказа личности от «инициативы поступка»; противопоставляет

«поступающее» и «непоступающее» сознание, активный поведенческий потенциал и напряженное бездействие персонажей. И. В. Кузмичева [Кузмичева, 2014, с. 148] относит поступок и его мотивацию к аспектам духовной внутренней жизни персонажа.

Выбор основного метода исследования обусловлен способностью модели представить сущностные черты изучаемого явления. Моделирование способствует обогащению читательской культуры и исследовательского опыта, «раздвигая» границы впечатлений, художественного восприятия и смыслов, наглядно представляя скрытые от прямого наблюдения моменты. Модели позволяют производить сопоставления и прогнозирование изучаемых явлений. Применение метода моделирования также способствует осмыслению функций или роли того или иного явления или категории в совершенствовании литературного процесса.

Таким образом, моделирование становится основой аналитической, интерпретационной и оценочной форм дискурсивной деятельности, способствуя решению задач структурирования художественного пространства и целостного концептуального осмысления литературы прошедших эпох [Шильникова, 2006, с. 75—82]. При этом в идеале моделирование предполагает уход от субъективности индивидуальных критических систем, хотя на практике моделирование нередко, например, в области литературной критики и литературоведения, осуществляется в конкретной парадигме оценочных координат.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Поступок в концепции М. М. Бахтина

Изучение вышеуказанных работ позволило установить, что не каждое действие литературного героя можно квалифицировать как поступок, разрывающий цепь причинно-следственной детерминации предметов и явлений, как акт свободного (осознанного) выбора с осознаваемой ответственностью за последствия.

Поступок есть способ подлинного человеческого существования. М. М. Бахтин пишет об этом так: «Каждая мысль моя с ее содержанием есть мой индивидуально ответственный поступок, один из поступков, из которых слагается вся моя единственная жизнь как сплошное поступление, ибо вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок: я поступаю всею своею жизнью, каждый отдельный акт и переживание есть момент моей жизни-поступления. Эта мысль, как поступок, цельна: и смысловое содержание ее, и факт ее наличности в моем действительном сознании единственного человека, совершенно определенного и в определенное время, и в определенных условиях, т. е. вся конкретная

историчность ее свершения, оба эти момента, и смысловой и индивидуально-исторический (фактический), едины и нераздельны в оценке ее как моего ответственного поступка» [Бахтин, 1995, с. 23].

В философии М. М. Бахтина представлено уникальное открытие, существенная связь поступка с моделью мира. В поступке принципиально важно то, что он не предопределяется прошлым, а требует становящегося в бытии субъекта как актора, способного реализовать потенциал бытия в соответствии со своими ценностями и переживаниями, а не в силу некой предзаданности.

Поступок, воплощая в себе бытие и субъекта, демаркирует субъекта и бытие, указывает на изменение траектории развития мира, которое произошло не в силу детерминированного воздействия объективных сил, а по причине проявления в мире субъектного начала, противостоящего предопределенности и обнаруживающего в бытии нереализованный до совершения поступка потенциал. В поступке человек утверждается как личность, то есть не как один из многих, а как уникальный человек, который существует в конкретных обстоятельствах. Каждый поступок, в свою очередь, несет в себе печать совершившей его индивидуальности.

Поступок может возникать в качестве такового только в мире, где обнаруживается зазор между состоянием мира до и после совершения поступка, где этим поступком обнаруживаются и реализуются потенциальные траектории развития мира, имеющие значимые последствия для населяющих его субъектов.

Глубинная соотнесенность «плана мира» и «мира поступка», которая прослеживается в реальном мире, обнаруживает себя и в художественном мире, а потому должна быть учтена в теории и практике анализа литературных текстов. Поступок есть категория, маркирующая положение героя в мире текста. Художественный мир должен пониматься по преимуществу как мир поступков героев, каждый из которых обладает уникальным положением в этом мире и уникальной субъектностью. Соотношение модели мира и мира поступка героя определяет содержание художественного текста. М. М. Бахтин первым обратил внимание на данный фактор.

3.2. Динамика литературного процесса XIX века

Рассмотрим структуру и типологические характеристики стадий литературного процесса в их тесной связи с эволюцией эстетического осмысления действительности. Мы будем отталкиваться от концептуальной модели [Теория ..., 2001], предложенной Е. Ивановой в качестве основания для типологизации литературного процесса в целом. Ее центром является человек в его отношениях к природе, Богу, внешнему и внутреннему миру.

Для построения авторской модели динамики русской литературы XIX века проведен анализ литературных произведений этого периода и

социокультурных факторов, влияющих на литературную активность: эволюция эстетического осмысления действительности человеком, мировой литературный контекст, национальная специфика русской литературы, уникальность отдельных ее этапов, оригинальность авторов и, наконец, специфика литературоведческой теории и критики.

Под *катализатором развития литературного процесса* понимается «кризис поступка» литературного героя. Изучая кризисную природу поступка, мы исходили в числе прочего из последовательной четверичной типизации кризисов, предложенной В. П. Океанским и Ж. Л. Океанской: краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные и, наконец, сверхдлигие кризисы, в основании которых лежит понимание тщетности усилий и брэнности очеловеченного мира, осознаваемое неснимаемое напряжение, глубинная конфликтологичность или кризисологичность Логоса, осознание универсального характера кризисологического понимания реальности [Океанский и др., 2017, с. 58—59; Океанский и др., 2019, с. 49—57].

Литературный процесс изучаемого периода обнаруживает определенные тенденции, выявляемые посредством анализа поступков, совершаемых героями произведений и выступающих ключевым классификационным признаком.

До первой трети XIX века в своих ценностных установках герой русской литературы обнаруживал согласованность с ценностями русской культуры, на основании чего его функционирование в пространстве художественного мира может рассматриваться как представительство. Его агентность не обнаруживала принципиального противоречия с миром и проявлялась ограниченно в ситуациях, когда его решения прежде всего утверждали правомерность существующего миропорядка.

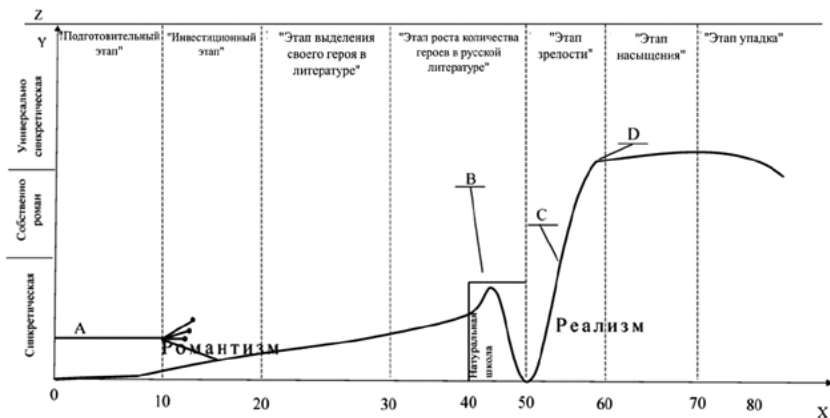
В 30—40-е годы XIX столетия в русской литературе происходит трансформация парадигмы отношений героя и мира, во многом под влиянием европейской литературы. Заимствованные из европейской литературы типы героев имеют индивидуальные системы ценностей и готовность отвергать и перестраивать миропорядок в соответствии с этими ценностями, что органично европейской культуре эпохи Реформации, сформировавшей запрос на свободу мысли и проекты переустройства социальных отношений.

Абсолютизация индивидуального сознания и ценностей героя как трансформирующей силы, однако, оказалась чужда русской картине мира. Носитель такого сознания, вступающий в противоречие с мирозданием, не мог обрести полноценную агентность в поле русской культуры, отчего этот период развития литературы характеризуется «кризисом героя» и его поступка, преодоление которого потребовало формирования специфической для русской литературы взаимосвязи героя и мира.

3.3. Авторская модель развития русской литературы XIX века

При построении авторской модели русской литературы XIX века мы исходим из того, что 1830—1850 годы — это период перехода, смены художественных парадигм, ментального сдвига. Идеологические и эстетические противостояния этого времени не только обогатили саму литературу, но и способствовали формированию ее нового исторического облика.

Авторская модель русского литературного процесса XIX века, понимаемая с позиции изменения представлений о русском литературном герое, представлена на рис. 1.

Траектория А — заданная модель литературного героя (русский Дон Жуан, русский Дон Кихот, русский Гамлет, русский Фауст)
Траектория В — модель героя "натуральной школы"
Траектория С — модель героя, неспособного к поступку
Траектория D — модель героя русского классического романа

Рис. 1. Модель развития русской литературы XIX века с позиции изменения представлений о литературном герое и его поступке (составлена автором), где X — хронологическая шкала (десятилетия XIX века); Y — фазы развития русского романа (согласно концепции В. А. Недзвецкого); Z — этапы развития представлений русской критики о русском литературном герое

В основе предложенной модели лежит анализ взаимосвязи между художественным миром произведения и его героем. Прослеживая, как эта взаимосвязь меняется от эпохи к эпохе, модель выстраивает системное видение исторической динамики русской литературы XIX века.

Составленная модель в определенной степени ориентирована на экономическую теорию жизненного цикла товара Теодора Левитта [Levitt et al. 1965]. В концепции Т. Левитта товар рассматривается как продукт, проходящий ряд последовательных этапов существования на рынке: от выхода на рынок до спада продаж. Объект переноса в нашем случае применя-

ется не к литературе как рынку, а к эволюции конкретной категории внутри литературы — представлений о поступке героя и его мотивации. Экстраполяция модели Левитта на историю развития представлений о герое и его поступке в русской литературе XIX века позволяет смоделировать собственное видение динамики русского историко-литературного процесса с фокусом на проблеме «кризиса поступка».

Значительным потенциалом для модели динамики представлений о поступке, основанной на теории жизненного цикла Левитта, обладает теория В. А. Недзвецкого о фазах развития русского романа XIX века. Фазы русского романа — синкретическая фаза 20—30-х годов XIX века (А. С. Пушкин — М. Ю. Лермонтов), фаза собственно романа 40—50-х годов XIX века (И. А. Гончаров — И. С. Тургенев — А. И. Герцен), универсально-синтетическая фаза 60—70-х годов XIX века (Ф. М. Достоевский — Л. Н. Толстой — М. Е. Салтыков-Щедрин) — частично соответствуют маркерам, предложенным Левиттом (подготовка, инвестиция, зрелость, насыщение, спад и т. д.). Параллельный анализ позволяет увидеть, как структурные изменения жанра (по Недзвецкому) конкретно проявлялись в эволюции изображения героя и его поступка.

В основе нашей модели динамики русского литературного процесса XIX века лежит совмещение трех лучей:

— на луче *X* представлена хронологическая шкала — десятилетия XIX века;

— на луче *Y* отмечены фазы развития русского романа (согласно концепции В. А. Недзвецкого [Недзвецкий, 2013, с. 56—66]): синкретическая, собственно романная, универсально-синтетическая;

— на луче *Z* указаны этапы развития представлений профессиональной русской критики о русском литературном герое и его поступке.

Графическое изображение демонстрирует смену ведущих эстетических принципов, переход от романтизма к «натуральной школе» и далее к реализму. Соответствующие каждой фазе эволюционные линии представляют четкую структуру моделей русского литературного героя: траектория *A* строится на типах героев русской литературы, ориентированных на западные модели («русские» Дон Жуан, Дон Кихот, Гамлет, Фауст); траектория *B* отражает типологию героя «натуральной школы»; траектория *C* строится на образах, патологически неспособных к совершению поступка; в основе траектории *D* лежит комплекс характеров классической русской прозы XIX века.

Рассмотрим указанные выше стадии эволюции представлений о литературном герое и его поступке в русской словесности. Каждая стадия соответствует стадии цикла Левитта и характеризуется специфическим

состоянием представлений о поступке и доминированием определенных траекторий.

Подготовительная стадия («подготовительный этап» отмечен на луче Z) — конец XVIII — первые десятилетия XIX века — характеризуется пониманием поступков персонажа как predetermined существующим миропорядком.

Стадия заимствования («инвестиционный этап», отмеченный на луче Z) знаменует проникновение в отечественную литературу 20-х годов XIX века образов европейских героев, расширение представлений писателей о национальной модели художественного мира. Ключевое расхождение европейского и русского героя обнаруживается в отношении авторов к проблеме существования мирового зла и личной свободы человека.

Мир, в котором оказывается европейской герой, предстает изначально дисгармоничным (в произведениях В. Шекспира, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Г. Байрона, И.-В. Гете, Г. Гейне и др.). Изначальная богоотчужденность мира заставляет героя западноевропейской литературы, ощущающего свою иноприродность, активно противостоять миру, искать пути его преобразования, вступая в конфликт с господствующим в нем злом. Герой — преобразователь мира в этой модели — становится естественной ее составляющей.

Модель мира, выстроенная в русских художественных текстах, не предполагает изначальной и фатальной дисгармонии. Зло имеет локальный характер и берет начало в деяниях, ошибках, просчетах и пороках конкретных его носителей. В этом контексте усилия человека, направленные на преобразование мира как целого, оказываются неоправданными. Естественный поступок героя в таких условиях — это поступок ревностного охранителя, восстанавливающего равновесие в мире.

Следующий этап — «этап “выделения” своего героя в литературе» (30-е годы XIX века) — связан с формированием отечественного типа героя, ориентированного на западную традицию, однако раздираемого внутренними противоречиями относительно национальных ценностей и идеалов. Среди таковых — Евгений Онегин, Григорий Печорин, Павел Чичиков, поступки которых оказываются невозможными вследствие конфликта с нормами миропорядка, характерными для русской литературы. В литературе возникает герой, патологически неспособный к поступку.

Сороковые годы XIX века — «этап количественного роста героев в русской литературе» — совпадают с развитием литературы «натуральной школы», характеризующейся появлением множества второстепенных персонажей (гончары, извозчики, торговцы, водовозы, дворники, нищие), исполняющих преимущественно функциональные роли в художественном

мире. В фокусе внимания европейских и русских авторов оказывается категория «среды». Стратегия миромоделирования предполагает воссоздание образа мира, лишённого Абсолюта, воплощается в русских альманахах и сборниках А. П. Башуцкого, Ф. В. Булгарина, Н. П. Кукольника, Н. А. Некрасова, В. Г. Белинского, Я. П. Буткова. В таком мире поступок героя утрачивает свою актуальность. Назревает «кризис поступка» героя, на который обратили внимание критики-современники (В. Г. Белинский, А. В. Никитенко, Е. Н. Эдельсон, П. Анненков, Ю. Самарин и др.) и литературоведы XX века (Л. М. Лотман, Б. И. Бурсов, Г. Д. Гачев и др.).

«Этап зрелости» представлений о герое и его поступке совпадает с периодом становления реалистического метода в искусстве (50-е годы XIX века), когда возникают персонажи, неспособность которых действовать обусловлена несоответствием личностных качеств масштабам действительности («маленький человек», «лишний человек») в многочисленных повестях русских авторов. «Несоразмерным миру» русским литературным героем (при этом неважно: «несоразмерно малым» или «несоразмерно большим») утверждается невозможность поступка, неопределённость и неопределимость места героя в событии бытия. Именно эта неопределённость места в мире как «точка исхождения» поступка делает поступок невозможным.

Далее следует фаза расцвета классической русской литературы — «этап насыщения» (60-е годы XIX века), отмеченная формированием жанра романа, воплощающего идею свободы воли человека перед лицом Божественного начала. Здесь мы видим русских романистов-классиков (И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков).

Уникальная художественная концепция мира русской литературы классического периода устанавливала смысловую границу, очерчивающую пространство, в котором возможен поступок героя, и тем самым грань, за которую принципиально не может проходить его своеволие. Эта модель мира по-разному воплощалась в различных художественных практиках: она заявляла о себе в персонаже, чутко ощущающем пределы своего поступка (например, «праведники» Н. С. Лескова); по-другому та же концепция обнаруживала себя в судьбе персонажа, претендующего на безграничность своей воли в мире (например, Раскольников Ф. М. Достоевского). Ценностная модель мира, рожденная в результате многочисленных художественных опытов русского классического литературного периода, отличалась уникальностью построения и удивительной смысловой сбалансированностью. Однако только эти ее качества не могли обеспечить ее бесконечное доминирование в русском литературном дискурсе. Постклас-

сический период создает новые вызовы, новые кризисы поступка русского литературного героя, новые способы выхода из него и новый литературный продукт, порожденный этим процессом.

Наконец, заключительный этап — «этап упадка» (70—90-е годы XIX века) — ознаменован кризисом восприятия героического начала и возвращением идеи отсутствия центрального героя в художественной практике. Данный подход реализуется в произведениях А. П. Чехова, позднего Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко. Поступки «повседневного существования» окрашены экзистенциальной тоской, импрессионистичностью, недовговоренностью в изображении мотивации.

4. Заключение = Conclusions

В связи с появлением новой (романной) картины мира в 50-е годы XIX века и потребностью в диалоге с признанными подходами в литературоведении возникает задача отслеживания изменения категории поступка литературного героя.

В продолжение философско-эстетической концепции М. М. Бахтина [Бахтин, 1995], наблюдений Н. И. Николаева [Николаев, 2012] (которые предлагают подходить к проблеме литературного героя через призму его поступка, что вносит новые оттенки в осмысление логики историко-литературного процесса) и других исследователей мы предложили рассматривать категорию поступка литературного героя как критерий в рамках авторской модели литературного процесса XIX века, где стимулом изменений выступает «кризис поступка» литературного героя.

В модели визуализируются точки взлета, зрелости и упадка в эволюции «поступающего» или «непоступающего» героя в русской словесности. Модель характеризуется цикличностью, динамикой, соотносительностью с западными литературными аналогами и отечественными литературными направлениями. Модель включает четыре траектории (модели героя) и семь хронологических (последовательных) этапов.

Принимая во внимание наблюдения Н. И. Николаева об универсальности понимания «осевого положения» героя в произведении через совершаемый им поступок с точки зрения литературных родов и жанров [Николаев, 2012, с. 173—176], мы полагаем, что изучение специфики развития литературного процесса при помощи категории поступка литературного героя в дальнейшем может быть продолжено в формате исследования гипотетически жанрово-обусловленных модификаций этой категории.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. *Баршт К. А.* Уральские горы или таблица Менделеева. О предмете и методе истории русской литературы / К. А. Баршт // Новый филологический вестник. — 2020а. — № 2 (53). — С. 18—35.
2. *Баршт К. А.* Уральские горы или таблица Менделеева. О предмете и методе истории русской литературы / К. А. Баршт // Новый филологический вестник. — 2020б. — № 4 (55). — С. 32—49. — DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00093.
3. *Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. — Москва : Рипол Классик, 1986. — 541 с. — ISBN 5458433920.
4. *Бахтин М. М.* К философии поступка / М. М. Бахтин // Человек в мире слова. — Москва : Изд-во Российского университета, 1995. — С. 22—67.
5. *Бушуева Л. А.* Категоризация поступков (на материале поступков категории «проделка») / Л. А. Бушуева // Вестник нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2018. — № 1. — С. 155—159.
6. *Бушуева Л. А.* Структура словарной статьи в лингвокогнитивном словаре поступков (на примере имени поступка ИЗМЕНА) / Л. А. Бушуева // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка : сборник научных статей / ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Воронежская психолингвистическая ассоциация Центр коммуникативных исследований. — Воронеж : Издательство Ритм, 2021. — Выпуск 7. — С. 15—21. — ISBN 978-5-6047073-9-5.
7. *Бушуева Л. А.* Фрейм поступка «измена в любви» и его эвфемистические репрезентации в русской и английской лингвокультурах / Л. А. Бушуева // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 45—49. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-45-59.
8. *Глазунов Ю. Т.* Единица измерения весомости поступка / Ю. Т. Глазунов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — № 7 (июль). — С. 7—13.
9. *Гусейнов А. А.* Закон и поступок (Аристотель, И. Кант, М. М. Бахтин) / А. А. Гусейнов // Этическая мысль. — 2001. — № 2. — С. 3—26.
10. *Зимина М. А.* Дискурс безумия в исторической динамике русской литературы от романтизма к реализму : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. А. Зимина. — Барнаул, 2007. — 191 с.
11. *Кривошеев А. В.* Философия поступка М. М. Бахтина как онтологический проект : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.03 / А. В. Кривошеев. — Томск, 2007. — 130 с.
12. *Кузмичева И. В.* Лингвопоэтика интерперсонажа (на материале романа Б. Акунина «ФМ») / И. В. Кузмичева // Человек в информационном пространстве : сборник научных трудов / под общ. ред. Т. П. Курановой. — Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2014. — С. 146—152.
13. *Курцева З. И.* Риторический поступок: риторический и методический аспекты : монография / З. И. Курцева. — Москва : МПГУ, 2017. — 280 с. — ISBN 978-5-4263-0540-3.
14. *Лебедев Ю. В.* О книге Г. Ю. Филипповского «Динамическая поэтика русской литературы» / Ю. В. Лебедев // Литература в школе. — 2009. — № 10. — С. 46—47.
15. *Лобакова И. А.* Страх — жестокость — насилие — страх : объяснение поступков Ивана Грозного в литературе XVI — XVII вв. / И. А. Лобакова // Вся ненависть мира : насилие в литературе и искусстве : Сборник статей. Серия «Неканоническая эстетика». — Санкт-Петербург, Москва : [б. и.], 2021. — С. 41—49. — ISBN 978-5-00166-483-3.
16. *Манн Ю. В.* Динамика поэтических форм / Ю. В. Манн // Вопросы литературы. — 1996. — № 3. — С. 21—25.

17. *Мани Ю. В.* Динамика русского романтизма / Ю. В. Мани. — Москва : Аспект Пресс, 1995. — 384 с. — ISBN 5-7567-0025-0.
18. *Недзвецкий В. А.* Русский роман XIX века : задачи и перспективы целостной жанровой истории / В. А. Недзвецкий // Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология». — 2013. — № 2. — С. 56—66.
19. *Николаев Н. И.* Литературный герой в мире его поступка / Н. И. Николаев // Дискуссия. — 2012. — № 3. — С. 173—176.
20. *Океанский В. П.* Кризисы : имя сущности и уровневая типология / В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская // На пути к гражданскому обществу. — 2017. — № 3 (27). — С. 58—59.
21. *Океанский В. П.* Последний вагон уходящего прогресса : эсхатология и ноосфера / В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская // Философия хозяйства. — 2019. — № 2 (122). — С. 49—57.
22. *Панченко В. П.* Когнитивно ориентированное описание лексических значений производных глаголов «поступка и поведения» (по данным современных лексикографических источников) / В. П. Панченко // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2009. — Т. 151. — № 6. — С. 240—247.
23. *Пчелина О. В.* Внутренний диалог при совершении поступка : уровни и эффекты / О. В. Пчелина // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание». — 2020. — № 12. — С. 115—119. — DOI: 10.37882/2500-3682.2020.12.31.
24. *Романенко А. П.* Восприятие речевого поступка «покаяние» русскими писателями XX века / А. П. Романенко, З. С. Санджи-Гаряева // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве : материалы Международной научно-практической конференции, Саратов-Москва, 24—26 октября 2018 года. — Саратов-Москва : Перо, ООО «Амирит», 2018. — С. 279—283. — ISBN 978-5-00140-085-1.
25. *Созина Е. К.* Динамика художественного сознания в русской прозе 1830—1850-х годов и стратегия письма классического реализма : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Е. К. Созина. — Екатеринбург, 2002. — 36 с.
26. *Созина Е. К.* Эволюция русского реализма XIX в. : семиотика и поэтика : учеб. пособие / Е. К. Созина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. — 124 с. — ISBN 5-7996-0240-4.
27. *Степанов А. Д.* Переходная эпоха в литературе и термин реализм (1840—1850-е гг.) / А. Д. Степанов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2022. — № 19 (3). — С. 497—514. — DOI: 10.21638/spbu09.2022.306.
28. *Теория литературы. Литературный процесс* / Под ред. Ю. Б. Борева. — Москва : ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. — Т. IV. — 624 с.
29. *Ускова С. А.* Семантический потенциал лексемы поступок в русском языке / С. А. Ускова // Язык и социальная динамика. — 2012. — № 12—1. — С. 75—78.
30. *Филипповский Г. Ю.* Динамическая поэтика русской литературы / Г. Ю. Филипповский. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин (ДБ), 2008. — 416, [1] с. — ISBN 978-5-86007-596-2.
31. *Ханинова Р. М.* Психология литературного героя в аспекте философии поступка / Р. М. Ханинова // Поэтика малой прозы Всеволода Ивановна : психологический аспект : Монография. — Элиста : Изд-во Калмыцкого ун-та, 2006. — С. 12—38.
32. *Харлушина А. А.* Динамика «светового сюжета» в русской литературе XVIII века / А. А. Харлушина // Социальные и гуманитарные знания. — 2016. — Т. 2. — № 1 (5). — С. 53—59.

33. Шильникова О. Г. Моделирование художественного пространства в литературно-критическом дискурсе / О. Г. Шильникова // Вестник ВолГУ. Серия 8 «Литературоведение. Журналистика». — 2006. — № 5. — С. 75—82.

34. Шпилевая Г. А. Динамика прозы Н. А. Некрасова : художественный метод и стиль, жанр и межродовые отношения : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Г. А. Шпилевая. — Воронеж, 2007. — 347 с.

35. Levitt T. Exploit the Product Life Cycle / T. Levitt. — Cambridge, MA, USA : Graduate School of Business Administration, Harvard University, 1965. — Vol. 43. — Pp. 71—75.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025,
одобрена после рецензирования 09.03.2026,
подготовлена к публикации 08.04.2026.

References

- Bakhtin, M. M. (1986). *Literary and critical articles*. Moscow: Ripol Classic. 541 p. ISBN 5458433920. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1995). Towards the philosophy of action. In: *Man in the world of words*. Moscow: Publishing House of the Russian University. 22—67. (In Russ.).
- Barsht, K. A. (2020a). Ural Mountains or the periodic table. On the subject and method of the history of Russian literature. *New Philological Bulletin*, 2 (53): 18—35. (In Russ.).
- Barsht, K. A. (2020b). Ural Mountains or the periodic table. On the subject and method of the history of Russian literature. *New Philological Bulletin*, 4 (55): 32—49. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00093. (In Russ.).
- Borev, Yu. B. (ed.). (2001). *Theory of literature. The literary process, IV*. Moscow: IMLI RAS, Heritage. 624 p. (In Russ.).
- Bushueva, L. A. (2018). Categorization of actions (based on the material of actions of the category “trick”). *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University*, 1: 155—159. (In Russ.).
- Bushueva, L. A. (2021). The structure of a dictionary entry in the linguocognitive dictionary of deeds (on the example of the name of the deed TREASON). In: *Meaning as a phenomenon of the actual linguistic consciousness of a native speaker: a collection of scientific articles*, 7. Voronezh: Ritm Publishing House. 15—21. ISBN 978-5-6047073-9-5. (In Russ.).
- Bushuyeva, L. A. (2021). Frame of Act of “Infidelity in Love” and Its Euphemistic Representations in Russian and English Linguocultures. *Nauchnyi dialog*, 1 (7): 45—59. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-7-45-59>. (In Russ.).
- Filippovsky, G. Y. (2008). *Dynamic poetics of Russian literature*. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin (DB). 416, [1] p. ISBN 978-5-86007-596-2. (In Russ.).
- Glazunov, Yu. T. (2016). Unit of measurement for the weight of an act. *Scientific and methodological electronic journal “Concept”*, 7: 7—13. (In Russ.).
- Huseynov, A. A. (2001). Law and deed (Aristotle, I. Kant, M. M. Bakhtin). *Ethical thought*, 2: 3—26. (In Russ.).
- Khaninova, R. M. (2006). Psychology of a literary hero in the aspect of the philosophy of action. In: *Poetics of small prose Vsevoloda Ivanovna: psychological aspect: Monograph*. Elista: Publishing House of the Kalmyk University. 12—38. (In Russ.).
- Kharlushina, A. A. (2016). Dynamics of the “light plot” in Russian literature of the XVIII century. *Social and humanitarian knowledge*, 2 / 1 (5): 53—59. (In Russ.).

- Krivosheev, A. V. (2007). *The philosophy of M. M. Bakhtin's deed as an ontological project*. PhD Diss. Tomsk. 130 p. (In Russ.).
- Kurtseva, Z. I. (2017). *Rhetorical act: rhetorical and methodological aspects: monograph*. Moscow: Moscow State University. 280 p. ISBN 978-5-4263-0540-3. (In Russ.).
- Kuzmicheva, I. V. (2014). Linguopoetics of interpersonal art (based on B. Akunin's novel "FM"). In: *Man in the information space: a collection of scientific papers*. Yaroslavl: YaGPU Publishing House. 146—152. (In Russ.).
- Lebedev, Yu. V. (2009). About the book by G. Y. Filippovsky "Dynamic Poetics of Russian Literature". *Literature at School*, 10: 46—47. (In Russ.).
- Levitt, T. (1965). *Exploit the Product Life Cycle*, 43. Cambridge, MA, USA: Graduate School of Business Administration, Harvard University. 71—75.
- Lobakova, I. A. (2021). Fear — cruelty — violence — fear: an explanation of the actions of Ivan the Terrible in the literature of the XVI — XVII centuries. In: *All the hatred in the world: violence in literature and art: A collection of articles. The series "Non-canonical aesthetics"*. St. Petersburg, Moscow: [b. i.]. 41—49. ISBN 978-5-00166-483-3. (In Russ.).
- Mann, Yu. V. (1995). *Dynamics of Russian Romanticism*. Moscow: Aspect Press. 384 p. ISBN 5-7567-0025-0. (In Russ.).
- Mann, Yu. V. (1996). Dynamics of poetic forms. *Questions of literature*, 3: 21—25. (In Russ.).
- Nedzvetskiy, V. A. (2013). The Russian novel of the XIX century: tasks and prospects of a holistic genre history. *Bulletin of the Moscow University. Series 9 "Philology"*, 2: 56—66. (In Russ.).
- Nikolaev, N. I. (2012). Literary hero in the world of his deed. *Discussion*, 3: 173—176. (In Russ.).
- Okeansky, V. P., Okeanskaya, J. L. (2017). Crises: the name of the entity and the level typology. *On the way to civil society*, 3 (27): 58—59. (In Russ.).
- Okeansky, V. P., Okeanskaya, J. L. (2019). The last wagon of outgoing progress: eschatology and the noosphere. *Philosophy of economy*, 2 (122): 49—57. (In Russ.).
- Panchenko, V. P. (2009). Cognitively oriented description of the lexical meanings of the derived verbs "deed and behavior" (according to modern lexicographic sources). *Scientific Notes of Kazan State University. The series "Humanities"*, 151 (6): 240—247. (In Russ.).
- Pchelina, O. V. (2020). Internal dialogue when committing an act: levels and effects. *Modern science: actual problems of theory and practice. The series "Cognition"*, 12: 115—119. DOI: 10.37882/2500-3682.2020.12.31. (In Russ.).
- Romanenko, A. P., Sanji-Garyeva, Z. S. (2018). Perception of the speech act "repentance" by Russian writers of the twentieth century. In: *Russian language and literature in professional communication and multicultural space: proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Saratov-Moscow, October 24—26, 2018*. Saratov-Moscow: Pero, Amirit LLC. 279—283. ISBN 978-5-00140-085-1. (In Russ.).
- Shilnikova, O. G. (2006). Modeling of artistic space in literary and critical discourse. *Bulletin of the Volga. Series 8 "Literary criticism. Journalism"*, 5: 75—82. (In Russ.).
- Shpilevaya, G. A. (2007). *Dynamics of N. A. Nekrasov's prose: artistic method and style, genre and intergenerational relations*. Doct. Diss. Voronezh. 347 p. (In Russ.).
- Sozina, E. K. (2002). *Dynamics of artistic consciousness in Russian prose of the 1830s and 1850s and the strategy of writing classical realism*. Author's abstract of Doct. Diss. Yekaterinburg. 36 p. (In Russ.).

- Sozina, E. K. (2006). *The evolution of nineteenth-century Russian Realism: semiotics and Poetics: textbook. the manual*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Univ. 124 p. ISBN 5-7996-0240-4. (In Russ.).
- Stepanov, A. D. (2022). The transitional era in literature and the term realism (1840—1850's). *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 19 (3): 497—514. DOI: 10.21638/spbu09.2022.306. (In Russ.).
- Uskova, S. A. (2012). Semantic potential of the lexeme deed in the Russian language. *Language and social dynamics*, 12—1: 75—78. (In Russ.).
- Zimina, M. A. (2007). *The discourse of madness in the historical dynamics of Russian literature from Romanticism to realism*. PhD Diss. Barnaul. 191 p. (In Russ.).

*The article was submitted 30.09.2025;
approved after reviewing 09.03.2026;
accepted for publication 08.04.2026.*